ЮР. КОРОЛЬКОВ

КОМСОМОЛЬЦЫ НА ФРОНТЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ • 1940

Юр. КОРОЛЬКОВ

КОМСОМОЛЬЦЫ НА ФРОНТЕ

★

ОЧЕРКИ О БОЙЦАХ-КОМСОМОЛЬЦАХ, УЧАСТНИКАХ ВОЙНЫ С БЕЛОФИННАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1940

ОФОРМЛЕНИЕ ХУД. В. КЛИМАШИНА

Редактор *С. Брейдбард.*

Технич. редактор *М. Лойтерштейн.* Корректор *Е. Грушко*
Сдано в производ. 27/VII 1940 г. Подп. к печ. 17/VIII 1940 г.
М. Г. 109. Инд. Ю-5. Формат бумаги $70\times92^{1}/_{89}$. 2 п. л.
2,4 уч.-изд. л. Уполномочен. Главлита А—30184. Наряд 1002.
Тираж 25 000. Фабрика юношеск. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», ул. Фридриха Энгельса, 46.

КОМСОМОЛЬЦЫ НА ФРОНТЕ

Странное чувство охватило Андрея, когда он поднял руку и несколько робко попросил у председателя слово. Ему хотелось сказать очень много, хотелось рассказать о всей своей жизни. Андрей подбирал какие-то необычные слова, такие слова, которые сразу понял бы каждый из его товарищей. Андрей искал эти слова и не находил их

—Товарищи... — произнес он и запнулся.

В землянке было тихо, так тихо, что слышалось, как в печи, потрескивая, горели дрова, а снаружи, казалось, доносился скрип шагов часового. Огненные блики падали на лица, на шлемы, на шинели бойцов, окрашивая все в багровый цвет. Лица были строгие, торжествен-

ные. Десятки глаз устремились на Андрея, и юноша понял, что говорить сейчас надо просто, не выдумывая каких-то новых, необычных слов: товарищи в эти минуты переживают то же, что и он сам.

Потом Андрей вспомнил (это воспоминание пронеслось мгновенно, но так ярко, точно все произошло только вчера), как первый раз фабзавучником пришел он в литейную. Его привел Иван Яковлевич — приятель отца. Такой хороший седоусый старик!

Так же, как и сейчас, пламя озаряло силуэты людей. У распахнутой печи было светло, как днем. По грохочущим железным листам мастер провел Андрея в глубину цеха, остановился у застывшего подъемного крана и сказал:

— Здесь, в литейной, работал твой отец, работай и ты. Только помни — теперь это все наше. Наши печи, наш огонь. Помни — наш огонь... А отец не дожил. Твердый он был человек. Сожгли его деникинцы, в топку бросили...

Андрею почудилось тогда, что у Ивана Яковлевича странно заблестели глаза, а может быть, это был только отсвет пламени.

Андрей хотел рассказать об этом эпизоде, но сказал другое:

— Друзья! Мы выросли в Советском Союзе. Мы стали людьми, перед которыми открыты все пути-дороги. Мы благодарны товарищу Сталину, партии за счастливую жизнь, и вот настало время отдать свой долг родине. Должны же мы ей очень много. Мой отец добровольцем ушел на гражданскую войну. Мать часто говорила, что, когда отец уходил на фронт, он наказывал беречь родину до послед-

ней капли крови, защищать ее от врагов. Настало время выполнить завет отца. Я — командир отделения — заверяю командование, обещаю вам, комсомольцам, что мое отделение в боях за родину будет всегда впереди. Так же, как на заводе, будем беречь наш огонь.

Последнюю фразу комсомольцы не поняли. Андрей произнес ее для себя, вспомнив старого литейщика.

После Андрея говорили Виктор Турнов, пулеметчик Рудин, Степанов из первой роты. Говорили коротко, по нескольку слов, и садились на земляные нары, застланные свежей хвоей. Хотели выступать еще и другие, но время было позднее — перед боем следовало отдохнуть, а предстояло много работы.

Последним, поднявшись из-за фанерного ящика — «стола президиума», выступил Вася Морозов, секретарь комсомольского бюро.

— Так вот, товарищи, — сказал он, — вопрос ясный. Завтра бой. Приказ, который мы прочитали, будет выполнен. Все мы, члены ленинского комсомола, будем в первых рядах бойцов. В этот исторический день...

Секретарь бюро любил произносить яркие, цветистые речи. Выступал он всегда гладко, точно масляной тряпкой водил по винтовке, но сегодня, заговорив об историческом дне, и Морозов сбился. Он сказал только, что сейчас, после собрания, комсомольцам надо поговорить с бойцами.

Сгрудившись у дверей, прикрытых брезентовой плащ-палаткой, комсомольцы по-одному выходили из землянки. Кругом стоял лес — густой и темный. Едва различимые стволы высоких деревьев исчезали где-то во мраке неба,

затянутого облаками. По знакомым тропинкам комсомольцы разошлись по ротам. Не раз вырастали перед ними фигуры часовых.

— Кто идет? — раздавался суровый, настороженный оклик.

— Свои!..

Потом тише:

— Пропуск.

И уж совсем тихо, не громче шелеста леса, почти шопотом комсомольцы отвечали:

— Граната...

Подъем был назначен в пять. Но не спалось в эту ночь, накануне первого боя. На нарах, на пахнущих хвоей ветвях, красноармейцы шептались друг с другом или лежали молча, устремив глаза куда-то вверх.

Перед тем как лечь спать, Андрей Людов собрал отделение. Уселись ближе к печке, к огню. Не торопясь рассказал о последних провокациях на границе, об артиллерийском обстреле наших частей, о речи Молотова, о приказе перейти границу и навсегда пресечь вражеские провокации.

Виктор Турнов задумчиво глядел на пылающие дрова. Тепло приятно растекалось по всему телу. Он скинул шинель, набросил ее на плечи и снова засмотрелся на пламя. Казалось, Виктор не слушал Андрея, но, как только тот кончил, поднял голову.

— Ребята! — заговорил он. — Вот завтра пойдем в бой. Хорошо. Ну, а чем мы будем отличаться от остальных? Чем? Вот я и думал сейчас об этом. У нас в отделении половина — комсомольцы. Мы должны на деле доказать свою преданность родине, партии... Громить врага по-хасановски, выполнять приказания коман-

[illegible]ира, несмотря ни на что, знаете—так, как учит устав. И в бою помогать друг другу. Верно сейчас на собрании говорили: всегда надо быть впереди...

..Глубокой ночью Андрей улегся на нарах рядом с Петром Савковым. Петр не спал. Он лежал на спине с открытыми глазами и, видимо, ждал прихода Андрея. В полутьме, поднявшись [illegible] Савков вытащил из кармана [illegible]ро листок бумаги и протянул его Андрею.

— В комсомол хочу итти. Ты, Андрей, отдай это секретарю. В случае чего — считайте комсомольцем. Я тут все написал...

Андрей спрятал заявление, пообещал завтра [illegible] еще несколько минут и незаметно задремали.

[illegible]али затемно. Наскоро умылись, начали [illegible]ать. Котелки с горячим борщом уже ждали всех. В армии эту часть дня принято называть «внеслужебным временем». Людов услышал голос дневального Коршунова. Он просил о чем-то командира, который сидел с бойцами.

— [illegible] командир, да ведь я вчера спал, честное слово! И сейчас все равно не засну. Честное слово, не хочется. Разрешите...

Андрей не слышал ответа командира. Он говорил тихо.

Послышался голос второго бойца:

— Чем же мы хуже других, товарищ коман[illegible] имеем право. Там так и сказано: «Защита оте[illegible]

Видимо, командир начал соглашаться, но все же повысил голос:

— Поймите вы, что нельзя вам итти в бой. Трое суток не спали. Какой из вас толк будет?

— И не трое, а двое, — вступил снова в разговор Коршунов. — Разрешите, товарищ командир.

К группе подошел человек в полушубке, затянутом ремнями.

— Вот поговорите с политруком, он вам расскажет.

А потом, обращаясь к политруку, смеясь, сказал:

— Видал? Обвиняют меня, что я Конституцию нарушаю.

Голоса стихли. Командир, видимо, советовался с политруком. И снова голос командира:

— Ну хорошо, идите. Только смотрите у меня!..

Комсомольцы быстро пробежали мимо Людова.

Через полчаса выступили на исходные позиции. Шли по мерзлой, окаменевшей земле, присыпанной мягким снегом. Шли молча. Только иногда раздавался впереди предупреждающий шопот — «под ноги!» — и бойцы, обходя рытвины, камни, безмолвно продолжали путь.

Когда подошли к лесу около самой границы, начало светать. В просветах между деревьями виднелась низина, покрытая кочками и ржавой осокой, запорошенной снегом, дальше — незамерзший ручей, а за ручьем, на той стороне, — скирды сена, снова лес.

Только здесь встретил Андрей секретаря Саши Миронова. С винтовкой, обвешанный гранатами, он шел в ударную группу. На ходу взял

[illegible] Савкова, положил его в полевую [illegible]

— Это уж десятое заявление сегодня. [illegible]ово! Ну, я пошел, встретимся в... — и Морозов [illegible]звал селение, которое должны были взять в [illegible]от день.

Было совсем тихо. Вдруг воздух наполнился воем, гулом, взрывами, звенящим свистом пролетающих снарядов. Шквал огня обр[illegible] на вражеские позиции. Они покрылись [illegible] клубами дыма. Белофинны пытались отвечать, но первые же залпы наших артиллеристов унич[illegible] [illegible] батареи.

[illegible] и ближе подползали бойцы [illegible] заграждениям, резали колючую паутину, готовили проходы для наступаю[illegible] пехоты. Андрей Люлов лежал за деревьями. Он видел, как прошли танки и остановились в лощине, готовые броситься в атаку. Командир взвода приказа[illegible] и огнем поддержать бой[illegible] [illegible]

[illegible] — [illegible] [illegible]ла прогнуться, про[illegible] [illegible]это я — трушу? А еще командир!» Андрей оглянулся по сторонам. Бойцы его отделения, рассыпавшись по лесу, ползли следом за ним.

Впереди, с той стороны ручья, где виднелись [illegible] приглушенные [illegible]

сараем. Анд[illegible]
ся. Сколько [illegible]
Может быт[illegible]
но-медленно. [illegible] в
тот момент, когда он вскинул винтовку. За сараем снова появилась фиг[illegible] мундире. Андрей прицелился и нажал [illegible] крючок. Этот первый свой выстрел [illegible] Андрей запомнил на всю жизнь. [illegible] почувствовал толчок в плечо [illegible] увидел, как человек, взмахнув руками, сва[illegible]лился, — он сразу успокоился, [illegible] необъяснимую уверенность.

Вдоль лощины пробрались к проволоке. Артиллерия перенесла огонь. Снаряды рвались где-то дальше, за перелес[illegible] финны отступили к деревне. Что было дальш[illegible] Андрей помнил очень смутно. Бежали вперед, падали на снег, полз[illegible] на подступах к деревне, когда пехоту обогнали танки, финны открыли ураганный огонь. Кто-то упал. Рядом застонал Виктор Турнов. Лицо его залилось кровью. Андрей перевязал товарища. Под огнем залегли, прижали[illegible] к земле. Неподалеку остановился танк. По его броне щелкали пули. Из танка выскочил командир в шлеме и комбинезоне. С пистолетом в руках он бросился вперед, призыв[illegible] за собой бойцов.

— За родину! За Сталина! — кричал тан[illegible]

[illegible] груди, большая [illegible] Андрея. Броском он [illegible] По всему по[illegible] бежали бой[illegible]

Три из них, свалив городьбу, ворвались в де-[illegible]

[illegible]лиже к вечеру сопротивление белофиннов было сломлено. Уходя, шюцкоровцы подожгли [illegible]цов. Черные клубы дыма вздымались высоко к небу. По улицам, словно между огромными кострами, потянулись танки, тракторы, пушки, автомашины, колонны бойцов, по[illegible]ные кухни и снова танки — тяжелые, громадные.

Ночевали в каком-то сарае. Саперы предварительно вытащили из-под соломы три мины. Мины были круглые и плоские, как тарелки. Сейчас, с отвинченными капсюлями, обезвреженные. о[illegible] лежали около сарая, и, в знак полного презрения к обнару[illegible]нным минам, к финскому коварству, кто-то из саперов уселся на них и стал переобуваться. Бойцы толпились вокруг, опасливо разгляд[illegible]али зеленые диски, расспрашивали сапера, а тот невозмутимо сидел на минах и, чувствуя себя в центре внимания, говорил:

— Что мина? Мина только для дураков. [illegible]щупай шомполом, нащупал — зови сапера, а у нас с ней разговор короткий: капсюль долой — и кончено. [illegible]че штук тридцать повывинтил; гляди в [illegible] ни одна мина не тронет.

Сапер говорил медленно, не глядя на собеседников. Все свое внимание он, казалось, сосредоточил на портянке, которой старательно обматывал ногу. А когда за са[illegible]ем появилась походная кухня и бойцы ушли получать ужин, юноша натянул сапог и отошел в сторону.

— Пойдем пожуем, — обратился он к товарищу.

— [illegible] фасонишь. Останется невзначай капсюль, ну и конец.

— [illegible] на колу снижу. Рванет, так без сапог на тот [illegible]. Н[illegible] [illegible]ытный. Думают, мины — это бог [illegible]. И насчет [illegible] восемнадцать штук вы[illegible].

Андрей еще постоял немного и пошел [illegible]. [illegible]сть сковывала тело, хотелось [illegible] [illegible] через бойцов, он нашел свободное место и улегся на соломе. Засыпая, подумал о [illegible]

[illegible] и вышел на улицу. Деревня все еще горела, но теперь языки пламени прижимались к земле. Догорающие бревна походили на раскаленные железные балки. Около [illegible] грелись бойцы. На горизонте в [illegible] местах полыхали багровые зарева. Не[illegible] вереницей продолжали тянуться [illegible] глазами Андрея раскрылась гроз[illegible] прифронтовой полосы.

Порой на подъеме тракторы начинали буксовать. Завалилось орудие. Одним колесом оно съехало в канаву. Трактор глухо урчал, разворачивался на одном месте. Андрей разбудил свое отделение [illegible] равно скоро подъем). Сообща приподняли тяжелое колесо, подложили

[illegible]

В [illegible]оте строем пошли дальше, обогнали [illegible]ийскую часть. Двигались во втором [illegible]. Только с рассветом, когда прошли [illegible]ов пятнадцать, встретились с Морозо[illegible]. Он был чем-то расстроен.

— Комиссар нагоняй сейчас дал,—начал Морозов, здороваясь с Андреем.—Ты, говорит, что [illegible]ра делал? В бою был — отвечаю. А сколько человек в комсомол принял? Ни одного. А беседы проводил? Нет. Тут он меня и начал гонять. Ты, говорит, думаешь: раз война началась — комсомольскую работу в сторону. [illegible], что комсом[illegible].

Морозов [illegible] с лапшой, уселся на корточках [illegible] и продолжал:

— [illegible] насчет личного примера говорить, а он на меня еще пуще: ты, говорит, организуй дело так, чтобы [illegible]ждый комсомолец личный пример [illegible]зывал, помогал всей част[illegible] задачу выполнять, а то обвешался гранатами, думаешь за всех комсомольцев воев[illegible].

Да что тут долго расписывать. С полчаса комиссар меня отчитывал. Сл[illegible]-то все правильные, только как же так — ходил я в бой, а он меня и отругал за это. Обидно даже как-то становится.

Андрей вспомнил в[illegible] и рассказал о сапере [illegible]. [illegible]ался и, глядя куда-то вдаль, тихо произнес:

— Молодец. Вот так и нам, видно, надо работать... Комиссар советовал каждый день ребятам об итогах боя рассказывать — о геро[illegible]еских пост[illegible]ках, о недостатках. Возьми-ка

сегодняшнюю газету, проведи читку. Турнова ранили, комсоргом пока тебе придется работать [illegible]про соберу.

В [illegible] только что принесли свежую га[illegible]. [illegible] маленькая — «ладонью закроешь». Людов подошел к костру, где сидели бойцы его взвода.

— Ребята! «Маленькую» принесли. Почитаем?

— Д[illegible]!

Бойцы окру[illegible]или Андрея. Привлекла внимание первая заметка. Она называлась «Коммунист Осипов», а сверху крупными бу[illegible]вами было написано: «Слава отважным танкистам!»

По мере того как Андрей читал, лица расплывались в довольной улыбке. Речь шла о танкисте, который вчера вел их в атаку.

«Грозные, стальные кони ринулись в бой. Танки шли по сильно пересеченной местности. Они двигались через лес, овраги, болота. Враг стал отходить. Не имея сил драться в открытом бою, белофинские офицеры применили свой подлый, коварный метод — стрелять из-за угла. Снайперы прот[illegible]ника укрывались в чаще леса, забирались на деревья и оттуда стреляли в наступающие красные цепи.

Но зорок глаз большев[illegible] танкиста! Политрук Осипов в смотровую щель заметил сидящего на дереве офицера. Было достаточно одного выстрела из пистолет[illegible]з смотровую щель, чтобы навсегда отбить у белофинна охоту лазать по деревьям там, где ему не положено!

Танкисты пошли дальше. За перелеском политрук увидел, что командир одного из пехотных подразделений выбыл из строя. Бойцы остались без руководства. Развертывался ре-

шающий этап боя. Его успех зависел от стре-[illegible] минуты. То-гда политрук [illegible] повел в бой [illegible].

— За родину! За Сталина! — крикнул он.

[illegible] ответили призывной ло[illegible] ворвались в расположение про[illegible].

Так была взята высота, обозначенная на карте «147 [illegible]»

Все, что рассказывалось в заметке, происходило вчера на глазах у бойцов. У костра завязалась оживленная беседа. Потом прочитали [illegible]метку о том, как водитель Хафизов и радист [illegible] под пулями ремонтировали гусеницу [illegible]итую сна[illegible].

— Вот молодцы! — раздались восхищ[illegible].

[illegible] стихотворение, которое написал заместитель политрука Леонид Высотин. Особенно нравились последние строки

Иди [illegible]
Как [illegible]
Громи врага без промаха
Гранатой [illegible]

Здесь же, у костра, к стихам подобрали мотив, а когда снова выступили в поход, по дороге неслась звонкая пе[illegible]:

В окоп рванешься вражеский
Поддержит целый взвод
Пусть нерв и жилка каждая
Тебя зовут впе[illegible]

Прошло несколько дней. Крепчали морозы. Финны отходили, уничтожая после себя все, что только было возможно. По дорогам валялся убитый скот, сани с [illegible] и полозьями,

солдатские шинели, велосипеды, каски, оружие. Селения походили на кладбища, но вместо крестов там мрачно чернели обгорелые трубы. Но[illegible]зда очень [illegible]. Лица бойцов почернели. [illegible] переходах по разбитым дорогам. [illegible]ывались не успевшие бежать шюцкоровцы. В ярости, в бессильной злобе они из-за угла [illegible] транспорты раненых [illegible]лась ожесточенная война, но комсомольцы [illegible]ряли бодрости, и часто после длительных переходов, после серьезн[illegible] в короткие минуты [illegible] у костров раз[illegible] задорный смех, слышались [illegible].

[illegible] после [illegible]ды с комиссаром [illegible] собирал бюро. Собира[illegible] в лесной сторожке, то [illegible] в пути. За это время в ком[illegible]дцать пять человек.

[illegible] научились работать так, чтобы не отрывать людей от боевых дел. На марше члены бюро приходили в роту, шли рядом с бойцом, подавшим заявление, обсуждали вопрос о его приеме, и часто в тот же день, когда удавалось созвать комсомольское собрание, новички получали комсомольские билеты.

Однажды, когда подошли к озерам, где укрепились белофинны, заседание провели перед атакой в окопе. Принимали Борисова — командира пулеметного отделения. Финны стреляли из минометов. Одна мина ударила в край окопа. Членов бюро засыпало землей, снегом. Осколок

чиркнул по каске Морозова, но все были целы, и заседание продолжалось.

— Голосую: кто за то, чтобы Борисова принять в члены ленинского комсомола? Кто против? Воздержался? Принимается единогласно.

Борисов вылез из окопа, ползком пробрался к своему отделению, и вот уже слышна трель его пулемета. Через несколько минут началась атака.

Как-то ночью белофинны перешли в контратаку, пытаясь застать наших врасплох. [illegible] залегли в снегу у дороги, отрыли окопы. На огонь финнов не отвечали, чтобы не открыть своего расположения. Только одну пушку выкатили вперед, и комсомолец Емелин бил картечью по наступающему врагу. Бойцы не спали две ночи. Глаза слипались, но враг был близко, и предстояло провести еще одну бессонную ночь. И вот, от окопа к окопу, от бойца к бойцу, во мраке пробирается юноша в стальной каске, с винтовкой в руках.

— Евграфов! Не спишь? Гляди в оба!

Из окопа доносится голос комсомольца:

— Нет, не сплю. Все в порядке.

Юноша в каске, пригнувшись, подходит к другому окопу.

— Людов?

— Я.

— Ну как ребята?

— Хорошо. За нас не беспокойся. Гляди, как Емелин чешет их. Красота!

Юноша в каске пошел дальше, потом вернулся.

— Андрей, завтра тебе рекомендацию в партию будем давать. Приходи.

Так, подбадривая бойцов, рассеивая их сон,

всю ночь проходил секретарь комсомольского бюро Морозов.

А утром, когда финнов отогнали, Морозова встретил комиссар.

— Вот за сегодняшнюю ночь хвалю. Молодец! Понял теперь, что требуется от комсомольского вожака?

Комиссар тепло улыбнулся. Комсомольцы уважали, любили своего комиссара. Даже в то время, когда он начинал их отчитывать за промахи и говорил порой обидные слова, каждый [illegible] рение, похвалу от комиссара считалось большой наградой. Но комиссар был скуп на похвалы. И на этот раз улыбка скоро исчезла с его лица. Как-то очень быстро, почти мгновенно, [illegible] [illegible] ся глубже.

— Теперь, Морозов, людей к штурму надо [illegible] до взять. Сегодня подбери добровольцев — в разведку пойдете. Поговори с новичками. Не неволь. Раз колеблется — оставляй сразу.

Перед вечером в наскоро вырытых землянках провели комсомольское собрание. Итти в разведку записались все до одного комсомольца, но отобрали только семь человек.

Ночью на берег реки вышла группа бойцов В белых халатах на фоне снега их почти нельзя было заметить. Молча спустились на лед и ползком, один за другим, направились к противо- [illegible] тров разведчики останавливались, сверлили лед, измеряли его толщину, течение реки и ползли [illegible]

[illegible] зарево освещало ледяную поверхность. Снег и халаты бойцов казались розовыми.

Вперед, вперед и дальше ползли смельчаки. Замерзшая река была широкая. Обнаружат финны [illegible]

Когда бойцы [illegible] яркое пламя [illegible] Багровый свет [illegible] почти белым. Финны были настороже и [illegible] Прошла минута, другая, [illegible] ника, видимо, ничего не заметили. Пламя потускнело, стало [illegible] жали разведку. А когда они подобрались к самому берегу, лейтенант Афанасьев прошептал:

— [illegible], пошли обратно...

Андрей Людов полз следом за Савковым. [illegible] собой пулемет.

Три часа провели комсомольцы на льду, где каждый шорох, каждое резкое [illegible] до смертельной опасностью. Под утро они возвратились в [illegible] ценнейшими сведениями о водной преграде, которую предстояло штурмовать.

И вот наступил день штурма. Около станции, где финны взорвали железнодорожный мост, готовили переправу. Мост рухнул, и бесформенные куски железа — изогнутые, порванные фермы — торчали из воды. [illegible] река, стиснутая скалистыми берегами, еще не замерзла. Вода кипела от пуль и снарядов. Саперы, скользя по обледеневшим камням, тащили на себе громоздкие лодки, спускали их на воду. Течение подхватывало, кружило, относило в сторону, ударяли льдины, а бойцы, напрягая силы, гребли и

гребли. У[illegible] один — их сменяли другие. Лодка, изрешеченная пулями, наполнялась водой, но все же подходила к берегу.

В намокших шинелях красноармейцы бросались на крутой берег, укрывались за камнями. Лодки возвращались обратно, снова наполнялись людьми и снова плыли к вражескому берегу.

Андрей Людов дрался на правом фланге. Финны яростно оборонялись. Пропустив роту на свой берег, они открыли ураганный заградительный огонь. Переправляться теперь стало слишком трудно. Отрезанные от своих, бойцы первого десанта остались одни. Они находились так близко от врага, что слышали команды финских офицеров. Несколько раз бросались шюцкоровцы в контратаку, пытаясь опрокинуть роту в ледяные воды бурной реки. И каждый раз в рукопашном бою красноармейцы отбивали противника.

Время шло, а помощи не было. Вечерело. Бойцам все еще не удалось оторваться от берега и занять выгодные позиции. Первая попытка окончилась неудачно. Сраженный пулей, упал командир взвода Степанов. Командир роты был далеко. И так же, как в первом бою, какое-то горячее чувство захватило Андрея. Приподнявшись за камнем, он громко крикнул:

— Взвод, слушай мою команду! — Младший командир Людов принял на себя командование взводом.

Около самой воды лежал с пулеметом Борисов. Финны готовились к новой атаке. Андрей подполз к пулеметчику.

— Борисов, выдвигайся вон за тот камень. Держись. Отойдешь — погибнем.

[illegible]

— [illegible]

[illegible] пулемет. прижался. точно [illegible] очередь. Финны, увидев [illegible] огонь. Пули с звенящим [illegible] над головой. били о ка[illegible].

— [illegible]

Вдруг [illegible] Борис[illegible] дили [illegible] взялся за пулемет. Он поворачивал его то в одну. то в другую сторону. косил врагов почти в упор. Финны дрогнули.

— Вперед! За родину!! Вперед!—в каком-то исступлении закричал Андрей. Ему показалось, что кричит это не он, а кто-то другой рядом с ним. Он нагнал финна, [illegible] мелькнуло искаженное от страха лицо, погоны с серебряными нашивками. взметнулся штык. Не останавливаясь, Андрей побежал дальше.

[illegible] позиции взвода [illegible] что долго продержаться без по[illegible] Надо было дать з[illegible]

Наступила ночь. темная. морозная. Обледеневшие шинели топорщились. казались деревянными. [illegible] рядом — Савков. Борисов с забинтованным плечом. Степа[illegible] шел в себя, его уложили на доск[illegible] добранным финским одеялом. Он [illegible] но иногда забывался и протя[illegible]

— [illegible] делать, ребята? — [illegible] не получил.

[illegible] думали, молчали.

— [illegible] бы летом. Переплыть в два [illegible] — [illegible]

Опять замолкли. В стороне раздавались пулеметные очереди, слышались орудийные выстрелы. Бой еще продолжался.

— А что если попытать? Холодно только. Мороз, видно, гра[illegible]адцать бу[illegible]. Нет, не доплывешь. — Савков не мог примириться с этой мыслью — донесение-то ведь надо доставить — и сказал через некоторое время: — [illegible] Будь, что будет. Без [illegible]

Его не отговарива[illegible] дежда. Спустились к [illegible] [illegible]ноги и медленно, чтобы не ш[illegible] воду. Плыть надо было метров триста.

— Доплывешь — скажи, чтоб дали две красные ракеты, — услышал Петр уже стоя в воде, которая жгла.

Петр поплыл... Н[illegible] течение отбро[illegible]ло его к берегу. Поч[illegible] под ногами скользкие камни, он снова оттолкнулся. Плыл долго, коченели руки, захватывало дыхание, а до берега, казалось, было все так же далеко. На середине реки течение вдруг снова подхватило его и опять отнесло к вражескому берегу.

Силы иссякали. В полузабытье Петр уже ме[illegible] [illegible]упило состояние [illegible] все равно конец», пронеслось в голове. «А ребята?» — и Савков продолжал плыть, плыть и плыть. Шлем он пот[illegible]. Петр коснулся рукой

волос — голова была покрыта ледяной коркой. Сознание покидало его. Петр погрузился в воду...

А на берегу люди напряженно ждали сигна[illegible]. Прошло пятнадцать, двадцать минут, полчаса. Уже скоро час, как уплыл Савков. Сигнала [illegible]

— Погиб, — решил Андрей.

[illegible] лежали на камнях и снова думали, как [illegible].

— Теперь моя очередь. Может, я доплыву. Борисов, принимай командование на себя.

И к темнеющим водам реки подошел второй комсомолец. Так же, как и Савков, он снял шинель, сапоги и медленно, чтобы не шуметь, вошел в воду. Стоя по колено в воде, он заметил в небе два ярко-красных шара. Значит, Савков доплыл и передал донесение!

Перед рассветом пришла помощь. Оказалось, что, выбравшись на берег, Савков еще с километр шел босой по снегу, пока не нашел своих.

Двое суток пробыл взвод в окружении, но ни на одну пядь не отступил со своих позиций.

...С Андреем Людовым мы встретились еще раз в конце войны. Он сидел с бойцами около костра и о чем-то беседовал. На рукавах шинели алели звезды. Людов работал заместителем политрука. Разговорились.

— А меня можно поздравить, — проговорил он, — в партию приняли.

Андрей расстегнул шинель, из кармана гимнастерки достал кандидатскую карточку.

— Погоди, да тебя можно еще с орденом поздравить?!

— Можно, — улыбаясь, ответил Андрей.

[illegible]

Ночь. Холодный ветер кружит сухую снежную пыль, наметает сугробы около лохматых елей. Глухо шумит лес, скрипят на морозе высокие сосны, а в чаще леса, в глубокой землянке, на стенах в тепле, проросла трава, набухли почки на веточках, попавших сюда с землей. В железной печи ярко горят дрова. Уютно в землянке, и не верится, что на улице такой мороз, ветер.

Неровный свет керосиновой лампы освещает собравшихся командиров, их дубленые полушубки, меховые [illegible]. Одни стоят около ка[illegible]

— Вторая рота, с утра пойдете резать проволоку, взрывать надолбы, засыпать ров там, у высоты «Огурец». Ну, а первой придется рвать ДОТы. Приказ все знаете. Теперь давайте поговорим, как будем работать, — и капитан Коровин начал детально разъяснять задачу. Говорил он громко чуть охрипшим, простуженным голосом.

Поздно ночью расходятся командиры по своим землянкам. Пора спать. Уж третьи сутки проводит без сна капитан. Он устало вытягивается на нарах, но... звонок.

Коровин берет трубку.

— Да... Да...—отрывисто повторяет он, — хорошо будет... Приеду сам.

Звонили с передовых позиций. В телефон доносился шум ночного боя: короткие, сухие выстрелы, дробь пулеметных очередей, взрывы.

— Поеду сам, — говорит капитан. И, обра-

[illegible] — [illegible] людей и машин.

Чере[illegible] кобур[illegible] [illegible]тальона уходит. Следом за командиром идет юноша. На ходу он надевает на голову теплый подшлемник, затягива[illegible] каски.

— [illegible]?

— [illegible], с вами по[illegible]хать хочу. У меня там... — юноша замялся, потом, словно вспомнив что-то, уже более уверенно сказал: — Мне там насчет членских взносов поговорить надо.

Коровин сощурил глаза.

— Ой, Кирпа[illegible] взносы. Ну да ладно[illegible].

Машина с погашенными фарами исчезает в ночной мгле.

Капитан сидит рядом с водителем в кабине, где вместо боковых стекол вставлены листы фанеры. Вчера оско[illegible] снаряда угодил прямо в машину, пробил кузов, [illegible] оба стекла.

Шофер Степан Погребный напряженно смотрит вперед. Дорога знакомая, но кругом так темно, что колея, идущая вдоль леса, кажется тенью деревьев. Погребный чутьем [illegible] где находятся выемки, [illegible] безошибочно тормозит машину.

Проехали только что наведенный мост. Дальше начинается территория, еще вчера находившаяся у врага. Раза два шофер ост[ан]авливает грузовик, вылезает из кабины, уходит вперед разведывать дорогу.

В[ч]ера капитан с группой саперов был уже

здесь. Они подрывали вражескую крепость. Дело было так.

Из штаба принесли пакет. Приказ с пометкой «совершенно секретно» был короток: «К исходу дня захватить и взорвать долговременную огневую точку противника южнее местечка Хотинен. Точка обозначена на карте за номером 045». Вот и все.

Днем бойцы продвинулись вдоль дороги к проволочным заграждениям. «Продвинулись» — это значит с боем, под перекрестным огнем брали каждый метр, каждую пядь земли. Впереди стальной паутиной тянулись двенадцать рядов колючей проволоки. Под шквальным артиллерийским обстрелом, градом пуль, огнем минометов короткими перебежками, ползком, все ближе и ближе подходили бойцы к вражеским траншеям. Вместе с бойцами — пулеметчиками, стрелками — плечом к плечу шли саперы, вернее — не шли, а медленно ползли по развороченной, искромсанной снарядами земле и волокли за собой ящики с толом.

Мощные танки поддерживали пехоту, но сразу они не смогли преодолеть глубокие рвы. Только двум танкам удалось, порвав заграждения, переправиться на ту сторону. За ними длинным шлейфом волочилась и наматывалась на гусеницы проволока. Около траншей один танк с развороченной снарядом гусеницей за- [illegible] жал стрелять. Башня грозно поворачивалась то в одну, то в другую сторону, из жерла орудия с грохотом извергалось пламя.

Пехотинцы бросились в атаку. Финны начали отступать, но они еще упорно цеплялись за каждый окоп. Только к вечеру бойцы подошли

к холму, покрытому камнями. Это и была долговременн[illegible] [illegible]. [illegible] в разведку [illegible] [illegible]омольца Булатова. С боем разведал Булатов вражескую крепость. Точно доложил, где расположены пулеметы, где находятся наиболее удобные [illegible].

Стремительным броском приблизились стрелки и саперы к вражеской крепости. С соседних укреплений с новой силой застучали пулеметы. Бойцы залегли в воронках от снарядов. ДОТ решили взрывать по частям. Подложили у стены несколько [illegible]лых ящиков с взрывчатым веществом, отвели в сторону бойцов и взорвали. Страшный грохот заглушил шум боя. Два каземата [illegible]ыли разрушены, но крепость еще жила, из амбразур били шюцкоров[illegible]ие пулеметы. До рассвета оставалось немного времени, дальнейшие подрывные работы пришлось прекратить. Нужно было подготовить запас взрывчатки.

Целый день пролежали бойцы на морозе перед вражеской к[illegible]остью. В этот день связной [illegible] горячую пищу. А когда огонь становился так силен, что нельзя было даже ползти, Мусатов забирал с собой консервы, на[illegible]зывал на штык две-три буханки хлеба, чтобы удобнее тащить, и перебрасывал все это из воронки в воронку. Потом, прижимаясь к земле, осторожно полз сам.

Капитан Коровин уехал было в штаб и вот сейчас снова возвращался на передовые позиции.

Машина остановилась около огромной воронки, перегородившей дорогу. Дальше ехать нельзя. Совсем близко раздавались выстрелы. Порой взвизгивали пули. Саперы выпрыгнули из кузова. Вышел из кабины и капитан.

— [illegible] гки, слишком [illegible] вы же в госпитале были! [illegible] сюда попали?

Бойцы мнутся, виновато улыбаются

— Уж больно там скучно, товарищ командир [illegible]

— А это кто? Посошков? И ты здесь! А еще комсорг. Ай ай! Кирнатын, да ты что же [illegible]то глядишь? Сам членские взносы собираешься принимать, а за собой целую ораву привел. Ох. комсомол. комсомол...

Капитан ворча[illegible] что он был доволен их поведением. Все это были его воспитан[illegible].

— Ну вот что, — уже серьезно заговорил он, — работа будет тя[illegible]я. Всем дела хватит. Помните только одно: приказ — закон. Может, не все вернемся назад, но приказ выполним. Понятно?

Голос командира звучал [illegible] сурово. Глаза его сузились, стали ко[illegible]

— За мной, впер[illegible]! — отдал приказание капитан Коровин.

[illegible]ибаясь к земле, саперы спустились в [illegible] с взрывчаткой, взва[illegible] их на плечи и поползли. Ползли долго, [illegible] и только [illegible]з час подошли к вражеской ДОТ.

Кипатый [illegible] на шаг не от[illegible]одил от капитана. Тайком комсомольцы сговорились всячески ох[illegible] своего командира. Капитан был человек горячий и часто забывал об опасности. Неровен час, в такую минуту финск[illegible]й снайпер и подстрелить может.

Когда работа подходила к концу, Кирпатый, подмигнув товарищам, сказа[illegible]

— [illegible] [illegible]ята, в ДОТе знако[illegible]

[illegible] по[illegible] [illegible]ь и запустил его [illegible] застрочил пуле[illegible].

[illegible]еры засмеялись

— Ишь ты, с перепугу как садит! Думает, гранату ему бросили

Стрельба затихла, и [illegible] под[illegible]кравшись, кинул в амбразуру увесистый камень. И снова испуганно затявкал пулемет. Он ст[illegible]лял долго, пока, очевидно, не кон[illegible]илась вся лента.

— Кирпатый, опять озоруешь? — раздался голос Коровина.

— Больше не буду. Ребят только развлек. Я и вчера этому финарю покою не давал...

Саперы устанавливали детонаторы, прикрепляли бикфордовы шнуры.

— Ну, пора! Отводите бойцов.

По-одному бойцы стали отползать в сторону. Они расположились метрах в двухстах. Около крепости один на один с врагами остались трое: капитан Коровин, младший лейтенант Гришин и секретарь комсомольского бюро Кирпатый. Каждую минуту финны могли вырваться из крепости и уничтожить их. Выждав, пока отошли все бойцы, Коровин нагнулся и, точно прикуривая, чиркнул спичк[illegible]

Шнур был короткий — всего сорок пять сантиметров. Горел он со скоростью одного сантиметра в секунду. Стало быть, в распоряжении трех смельчаков было сорок пять секунд. Даже

[illegible] Надо было посмотреть, разгорелся ли шнур. А далеко ли можно отползти, отбежать за сорок пять секунд в темноте, под пулями и минометным огнем? Чтобы не оглушило, не засыпало обломками, надо в момент взрыва находиться на расстоянии [illegible] метров.

Шнур загорелся. [illegible] с горошину пополз к детонатору, к ящикам с толом. И стремглав, что есть силы, помчались саперы подальше от крепости. Они бежали, спотыкаясь о камни, проваливаясь в воронки, бежали до тех пор, пока ослепительный свет [illegible] озарил лес.

[illegible] слыша взрыва, саперы ничком [illegible] в ближайшую воронку. И в тот же миг [illegible] невероятной силы потряс воздух. Все почувствовали, как вздрогнула земля, словно во время землетрясения.

Огонь взметнулся высоко к небу, выше деревьев. Троих [illegible] [illegible]ило землей, снегом. Будто тяжелый град посыпался на землю. Это падали с огромной высоты обломки [illegible] ударил Коровина в плечо. Сила взрыва была так велика, что в землянках, расположенных далеко от крепости, погасли [illegible], а в одной землянке свалился с печи кипящий чайник.

Едва оправившись от ударов, Коровин вскочил на ноги. Теперь успех операции решали секунды. Крепость сейчас же должна быть окружена.

— За Сталина! Вперед! — раздался во мра[illegible]го батальона повел бойцов в атаку.

Крепость снова «оседлали». Взрывом разрушило еще несколько казематов. И опять, как прошлую ночь, как час назад, носили саперы

под пулями тяжелые ящики с толом. Снова отошли стрелки в укрытия и капитан поджег шнур. Новый, сотрясающий землю взрыв раздался в лесу. Еще раз за[illegible]ало подрывников. Ходили в атаку и заняли высоту, где еще недавно стоя[illegible] железобетонная «неприступная» крепость.

С рассветом саперы ушли с передовых позиций. Но несколько человек остались на поле боя. Не вернулся и лейтенант Гавриш, который ходил восстанавливать связь. Его принесли на носилках. Он был бледен, черты заострились. [illegible]вина.

— Товарищ командир, приказ выполнен, связь восстановлена, — тихо прошептал он.

К раненому подошел Кирпатый. Гавриш с трудом достал комсомольский билет и протянул его секретарю.

— Сбереги. В госпитале могут и затерять. Приеду — возьму сам.

Санитары подняли лейтенанта. Он слабо улыбнулся.

— До свиданья, друзья, я скоро вернусь...

ФЕДОР БАБАЧЕНКО

Утром, когда мать выгоняла коров, она увидела в саду на росистой траве чужие следы. Шли они от городьбы, мимо вишни, к окну мазанки, где спал ее сын. Забеспокоилась, пере[illegible] не будить). Отец поднялся, поглядел. Да, кто-то ходил ночью по саду, но мало ли кому вздумается в ночную пору ходить под чужими окнами[illegible]

[redacted] всех. Пас бы он лучше свиней, как раньше, не [redacted]

[redacted]зала. На ночь спустила собаку с цепи и не ложилась спать до [redacted] сына. А Федор возвращался домой поздно, далеко за полночь. Работал он секретарем сельсовета. Время было горячее, деревня [redacted]

[redacted] когда Федор подходил к [redacted] выстрел. Подросток упал. [redacted] кто-то бросился бежать, [redacted] через забор, и торопливые шаги за[redacted] стороне улицы. Сно[redacted]лся. Пуля пролетела [redacted]нным, вошел он в [redacted] попрежнему сидел [redacted].

[redacted] было давно, очень давно в селе Степановке. С тех пор семнадцатилетний подросток, бывший пастух, вытянулся, окреп, ушел на сахарный завод. Стал [redacted], долгое время работал председателем правления кооператива. Много воды утекло с той темной, весенней ночи, а в памяти осталась эта встреча с вооруженным, но [redacted] врагом.

Позже он служил в армии, демобилизовался, начал учиться. Окончил коммунистический университет, стал директором совхоза «Новый труд». Работал недолго. Однажды вызвали в военкомат, предложили явиться с вещами. Так комсомолец Федор Захарович Бабаченко снова пришел в армию. Его зачислили в артиллерию, а вскоре назначили артиллерийским разведчиком.

Когда стояли перед укрепленным районом,

не раз дерзкий разведчик упол[illegible] с [illegible]ми в расположение противника, [illegible] в [illegible]логу врага и возвращался с [illegible] [illegible]ниями, с точно н[illegible] точками, укреплениями. По схемам, составленным Бабаченко, артиллеристы открывали огонь, и в воздух летели исковерканные пулеметы, пушки, из траншей, как тараканы, разбегались белофинны. Высокого юношу с карими глазами часто видели на наблюдательном пункте, расположенном далеко за передовой линией, чуть ли не рядом с противником. Ухо[illegible] он туда ночью, маскировался и целый день проводил на морозе, наблюдая за тем, что делается в стане врага. Временами он [illegible]ал телефонную трубку и вполголоса говорил:

— Правее высоты 65,5 противотанковая пушка.

Через минуту-две в том месте, куда он указал, вздымались клубы огня и дыма.

11 февраля начались страдные дни. Бойцы шутили:

— Уборка началась, вишь как молотят. Точно на колхозном току.

И действительно, артиллеристы здорово «молотили». Там, где накануне вражеские укрепления скрывал густой лес, после сегодняшней артиллерийской подготовки остались одни пни да сваленные расщепленные стволы.

В день прорыва, как и всегда, Бабаченко находился с пехотинцами на передовой линии.

Когда огонь противника достигал такой силы, что нельзя было сдвинуться с места, командир батальона обращался к Бабаченко:

— Ну, артиллерист, дай-ка огоньку! Вон по той высотке. Житья они нам не дают, черти.

И Бабаченко склонялся у телефонного аппарата.

А если снаряды рвались в стороне, он снова брал трубку и корректировал огонь. Снаряды ложились в цель. Финские пулеметы умолкали, и пехота продвигалась дальше.

Так, с боями шли от высоты к высоте, от села к селу. Противник был деморализован, но еще оказывал сопротивление, и часто разгорался жестокий бой.

Подошли к каменистой возвышенности, покрытой сосновым лесом.

На поляне перед высотой гранитными клыками торчали надолбы. Огромные валуны надежно укрывали финских стрелков. Первая атака не удалась. Пришлось отойти. Окопались в лощине.

— Что будем делать? — спросил разведчик у командира батальона.

Капитан Кравченко задумался.

— Что делать? Огонь нужен, да покрепче. Здесь без ваших гостинцев не обойдешься.

— Ладно. Будут гостинцы.

Захватив аппарат, Бабаченко пополз к высоте. Полз он долго. Прятался за камнями, пролез сквозь надолбы. Два раза его обстреляли снайперы. Пуля попала в наган. Показалось — кто-то палкой больно ударил по боку. Прикинулся мертвым. Долго лежал и снова полз, полз до тех пор, пока не приблизился к подножию высоты. До вражеских [illegible] оставалось не больше пятидесяти метров, а свои остались далеко позади — метрах в трехстах. Разведчик был один, и только тонкий телефонный провод связывал его с товарищами, с батареей. Он [illegible] и два [illegible]. Не

сколько снарядов разорвалось позади блиндажей.

Новая команда, новый залп из орудий, сна-[illegible] разорвались ближе. Осколки [illegible] [illegible]слись над головой, ударились в [illegible] Бабаченко подводит огонь все ближе и [illegible] себе. Взрывы оглушают, [illegible] Федор знает, что класть снаряды ближе, [illegible] метров, рискованно: можно погибнуть от осколков. В голове мелькнула эта мысль, но он тотчас же ее отбросил. «Ничего, ребята бьют точно», думает [illegible] [illegible]редает новую команду. Он заставляет батарею стрелять почти по тому же месту, где лежит сам. Снаряды с визгом проносятся над ним, дробят камни, выворачивают с корнями деревья, вдребезги разбивают финские блиндажи. Теперь огонь ведет целый дивизион. Оглушенный, засыпанный землей лежит ничком за камнями разведчик. Временами он поднимается, чтобы взглянуть на свою работу. Затем приникает к телефонной трубке, и кажется, что Федор шепчется с кем-то в земле.

Бабаченко корректирует стрельбу до тех пор, пока за спиной не доносится голос:

— Здорово, артиллерист! Хорошая работа! Переноси в глубину.

Федор оборачивается. Видит капитана Кравченко, бойцов, ползущих к высоте.

— Куда вы лезете? Здесь же наши бьют. Вот рискованный народ!

Разведчик говорил таким тоном, словно он сам находился в нескольких километрах от поля боя.

Бабаченко тотчас же переносит огонь в глу-[illegible] саются в атаку, но кругом не слышно ни одного

выстрела. Каменистая сопка была взята без боя, без потерь. Артиллерийский смерч уничтожил на высоте все живое. Только вражеские трупы, разрушенные блиндажи, разбитые пулеметы говорили о том, что белофинны готовились организовать здесь упорное сопротивление.

Бабаченко органически не выносил безделья. Когда ему не давали непосредственно артиллерийских заданий, он приходил в батальон и, если бойцы отправлялись в разведку, обычно говори[illegible]

— [illegible] вами. Давненько [illegible]

[illegible] док ранили бойца [illegible] р наклонился и стал перевязывать ему рану. В это время финны, обнаружив разведчиков, открыли минометный огонь. Укрыться было негде, Бабаченко лег на раненого и своим телом прикрывал его от осколков...

Если вперед нельзя было пройти открыто, он забирался в танк. Чтобы не занимать места, «не есть даром хлеб», как он говорил, Бабаченко из разведчика превращался в заряжающего и ходил в бой. А возвратившись на батарею, говорил командиру:

— У озера мы минометы обнаружили. Вот здесь, — указывал он на карт[illegible]

Однажды с Федором Бабаченко произошел случай, который он почему-то назвал крестинами, но купелью ему служила глубокая воронка, [illegible] водой. В то [illegible] [illegible] зы, и вода затопила низины.

Батальон Кравченко подошел к селению А. днем.

Без боя вошли в село. Кругом было тихо, но, как только стемнело, со всех сторон раздалась пулеметная стрельба. Финны окружили селение и отрезали батальон [illegible]

Ночь, темень. Отходить некуда. Кругом вра-[illegible] [illegible] бросился в воронку и с[illegible] ла полна воды.

— Давайте аппарат!

Связист ползком подтянул провод, поставил телефонный аппарат. Бабаченко связался со штабом. Доложил обстановку.

— [illegible] нужен. Бейте по околице.

В темноте рвались снаряды, озаряя лес, дома. Федор, лежа в воде, руководил стрельбой. Вон там, справа, строчит пулемет.

— Правее ноль ноль три. Шрапнелью. [illegible]! — раздается его команда, и снаряды летят туда, [illegible] бьет пулемет.

Вот накапливаются финны... и в этом [illegible]сте — точно — вспыхивают зарницы разрывов.

Три часа пролежал Бабаченко в ледяной воде около телефонного аппарата. Все селение он окружил сплошным кольцом артиллерийского огня. Сквозь эту преграду не мог прорваться в село ни один враг. К рассвету батальон вышел из окруже[illegible] потеряв трех человек ранеными: командира и дв[illegible]асноармейцев.

Когда все атаки врага были отбиты, Бабаченко попытался выбраться из воронки. Это оказалось не так легко: шинель крепко примерзла к земле.

В эту ночь финны получили такой урок, что

[illegible] следующий день без боя отступили на тринадцать километров.

Так вот и «крестился» Бабаченко.

Кончилась война, и, как нарочно, после войны Федор заболел гриппом. В госпиталь он не [illegible], отлеживался на нарах. «Вот не везет, — [illegible] Федор. — в поле лежал — хоть бы нас[illegible] получил. А з[illegible]»

Когда нехватало терпения лежать, приходил [illegible] штаб, просил дать какую-нибудь работу. Обычно его выпроваживали обратно. Только как-то раз начальник клуба поручил ему разложить по стола[illegible].

— Эта по тебе работа, — сказал он, поло[illegible] на стол груду [illegible].

Газеты были только что получены. Болела голова, разламывало кости, читать не хотелось. Но на первой странице одного из номе[illegible] заголовок «[illegible]».

«За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом отва[illegible] присвоить звание Героя Совет[illegible] [illegible]нина и [illegible]»

Дальше шло перечисление незнакомых фамилий, а одним из первых стоял младший лейтенант [illegible]ч Бабаченко.

Он прочитал еще раз, не верил своим глазам. Да, так и написано: «младший лейтенант [illegible]дорович Бабаченко».

[illegible]ведчик стал Героем Совет[illegible].

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

В жизни, особенно на фронте, происходят события, в которых трагизм положения затмевается невиданной доблестью и отвагой участников этих событий. И тогда меркнет даже тяжесть утраты близкого друга, ее заслоняет сияющий героизм поступка. Вот о такой героической трагедии я и хочу рассказать.

Был у нас в саперной роте подрывник Павел Суворов. Невысокого роста, скромный, до робости застенчивый, ничем он не выделялся среди бойцов. В шутку товарищи говорили ему:

— Вот, Павел, фамилия твоя героическая, фельдмаршальская, а с таким характером не будешь ты героем...

Но вышло иначе.

Поручили однажды саперам взорвать вражескую долговременную огневую точку. А что такое ДОТ — вы знаете. Бугорок. Сверху лес, деревья раст[illegible] И все. А внутри крепость, и такая крепость, что не каждый снаряд ее пробьет. Метра на полтора, а не то и на два тянется под землей железобетонная стена. Стальные щиты с кулак толщиной. Таких щитов пять или шесть, один к одному поставлены. Ну и, конечно, пулеметы со всех сторон. Мышь, кажется, не прошмыгнет, а о человеке и говорить нечего.

Вот перед такой берлогой и очутились семь [illegible] Не буду рассказывать, как они подобрались. Не в этом дело. Главное — подобрались. Залегли в воронках у подножья холма и лежат. До финских пулеметов — рукой подать, и тридцати метров не будет. А подойти ближе нельзя. Дождь... Град... Нет, ливень,

горячий свинцовый ливень бушевал вокруг. Лежали долго, ждали помощи. По времени давно уж следовало подойти пехоте, но бойцов все не было. Задержались. Да в такую пургу, когда не колючий ветер, а осколки и пули воют, не [illegible] удержаться. Видно, финны почуяли недоброе, загородились огнем и не пропускают пехоту.

Лежали час, другой. Одним на штурм итти нельзя — верная гибель. Но, видно, такой уж задорный народ саперы. Лежат — и скучно без дела. Николай Титов нашел свое занятие — откопал чуть поглубже воронку, достал бумагу и начал писать стихи. В выражениях он не стеснялся. Потом, когда решили печатать стихи в дивизионной газете, редактор долго трудился над тем, чтобы заменить рифмы. В общем финнам от Титова здорово досталось.

Но стихи — стихами, а саперы продолжали лежать на морозе, под пулями. То и дело в [illegible] ли желто-красные языки пламени. Пулеметы строчили не умолкая.

Командовал саперами лейтенант Николай Шитов. Лежал он в стороне, рядом с Суворовым, и не в шутку начал беспокоиться. Шитов решил послать донесение, сообщить комбату, пусть шлет помощь или разрешит отходить. Вторая группа саперов находилась не так далеко. Но как передать донесение?

— Проберетесь к своим, — сказал он Суворову. (В землянке, на отдыхе, на комсомольских собраниях Шитов и Суворов обращались друг к другу на «ты», а в бою, на службе — это не то.) — Передадите командиру донесение.

— Приказано пробраться к своим и передать донесение, — повторил Павел.

Суворов получил донесение, осторожно выбрался из воронки.

— В случае чего в воронку прячьтесь. По дороге их много, — на прощание произнес Щитов.

И юноша пополз.

Пули роились над головой, били о камни, высекая искры.

Скоро финны заметили из амбразур ползущего по полю сапера. Пули застучали чаще, злее стал их визгливый свист. Вот первая пуля ранила ногу. Багровый след потянулся по снегу за Павлом. Вторая пуля ударила в руку. Опираясь на здоровую руку, Суворов продолжал ползти.

Сапер легко мог укрыться в любой воронке, но донесение ведь было ответственное, и, не задумываясь, пока были силы, он продолжал двигаться вперед и вперед.

А пули все свистели, искрились камни, по всему телу разливалась неприятная слабость, кружилась голова.

Третья пуля... Ударила в грудь. Юноша потерял сознание, очнулся и снова настойчиво, упорно цепляясь за камни, за снег, мучительно медленно полз. Надо проползти еще немного — вон там, впереди, укрытие, там свои, товарищи, там жизнь. Но Суворов чувствовал, что ему не доползти. Он окликнул товарищей и срываю- [illegible] Потом, почти теряя сознание от боли, от потери крови, он снова пополз. Теперь приказ командира был выполнен.

Следующая, четвертая по счету, пуля

пронзила героя-сапера в тот момент, когда он забирался в укрытие.

— [illegible] одна! — прошептал Павел. — Прощайте, товарищи... Свой долг я вып...

[illegible] Суворов не окон[illegible]ил фразы.

[illegible]

Жили два друга, [illegible] товарища. И радость, и горе делили они поровну, делили, как последнюю банку консервов, как последний сухарь, как опасность в разведке. Ели они из одного котелка, были неразлучны в походах. Шел в разведку один, просился с ним и другой. В бой шли рядом, оберегая д[illegible]г друга. Звали их Николай и Сергей. Каждому из них было немного больше д[illegible]дцати лет

Но однажды на высоте 65,5 друзья разлу-[illegible]

Это походило на шквал, на ураган, вн[illegible]запно ра[illegible]разившийся над застывшей землей, над заснеженным лесом, над холмами, низинами, исчерченными линиями траншей и окопов. Было туманное февральское утро. И земля, и воздух содрогались от грохота. Тучи, потоки металла проносились вв[illegible]ху, опускались на высоту, крушили лес, вздымали груды земли, бетона, засыпали траншеи, рыли воронки.

Сергей и Николай лежали рядом на замерзшей земле, ук[illegible]танные в белые халаты, как в саваны.

— Вот дают! — проговорил Сергей, прислушиваясь к артиллерийским залпам своих батарей.

А Николай ответил:

— Белофинны [illegible]

железе, руде. Что же, пусть пол[illegible]. После войны добывать железо [illegible] на этой [illegible].

Легкие порывы ветра доносили сюда пороховой дым, сладковатый запах гари. Приближалось время атаки. Бойцы подползали [illegible] к проволоке. Друзья ползли молча. Укрылись за камнем, лежали рядом, касаясь плечом плеча. Было 12 часов дня 11 февраля 1940 года. [illegible]

[illegible]

[illegible] дружно. Ошеломленный враг не сразу пришел в себя. Но чем ближе подходили к высоте, тем яростнее разгорался огонь пулеметов противника, рвались мины, вздымая клубы снега.

Заняли траншею. Отстреливаясь, бежали финны и исчезали, точно проваливались сквозь землю. Выхватив гранаты, товарищи бросились вперед. Двигались вдоль траншеи. Ход сообщения круто [illegible] вправо. Сергей и Николай [illegible] перед тяжелой стальной дверью. Две гранаты одновременно взорвались у входа в крепость. Но дверь не подалась. Из узкой щели раздался выст[illegible] [illegible]иколай покачнулся и тяжело опустился на дно траншеи. Он [illegible]

[illegible]ев на [illegible] [illegible]нес товарища, [illegible] камнями, перевязал.

— [illegible]лай, где разлучаться приходит[illegible] [illegible]берут, а я пойду.

[illegible] руку товарища. Николай Соломонов ответил слабым голосом:

— Ступай! Жаль, что не вместе...

И первый раз за все время войны Сергей один пошел в бой.

Под огнем п[illegible]. А оставалось еще пятнадцать-двадцать метров — и крепость будет взята.

В бою часто бывает так, что победа, точно [illegible] коле[illegible] [illegible] решают порыв, подвиг, пример. Еще минута, и атака захлебнется, противник [illegible]. А быть может, через [illegible] сломят сопротивление врага.

Наступил критический момент боя. Пулю за пулей посылал Сергей в [illegible]. Но все это не достигало це[illegible] [illegible]ваться на холм, «оседлать» [illegible] нями амбразу[illegible] огонь.

И ярко, точно перед ним раскрылась [illegible] вспомнил Сергей подвиг хасановца [illegible] Мошляка, который первым водрузил ф[illegible] высоте [illegible]верной. Промелькнула в ум[illegible] на вчерашнем собрании, когда секретарь [illegible]

— Мы, комсомольцы, как и все бойц[illegible] дем драться за первенство, за честь первыми [illegible] красный флаг на вражеской крепости.

В [illegible]х Сергей видел эти [illegible]ки с силуэтами Сталина. Все эти мысли промелькнули быстро, почти мгновенно. Но в этот момент пуля пронзила руку Сергея. Сгоряча о[illegible] чувствовал боли, только рукав халата ст[illegible] красным. Сергей оторвал полу халата, [illegible] перевязать рану. Полотнище впитало [illegible]. Яковлев взглянул на това[illegible]щей. Они [illegible], прижавшись к земле, не поднимая головы.

— А [illegible] крепость? Атака не удастся?

Сергей перевел взгляд на руку.

— Вот оно, знамя!

Точно стальная пружина подбросила с земли

красноармейца. Подняв высоко над головой окровавленное полотнище, Сергей бросился вперед на холм.

Бойцы увидели юношу с красным флагом и ринулись на штурм.

Через двадцать пять минут после начала атаки — в 12 часов 25 минут — пала первая крепость на линии Маннергейма. Через три минуты и над вторым «неприступным» холмом взвилось победное красное знамя. Это было полотнище от белого маскировочного халата, обагренное кровью советского бойца — Сергея [illegible]лева, получившего звание Героя Советского Союза.

К вечеру красные флаги развевались на восьми холмах.

ВЕЧЕР В БЛИНДАЖЕ

После непрерывных трехнедельных боев наша дивизия отошла на отдых. Первый день мы беспробудно спали, второй мылись, приводили себя в порядок, а вечером, в чистых воротничках и побритые, собрались в финском блиндаже смотреть картину «Богатая невеста». У механика Васи Щукина дело не ладилось, рвалась лента, и, спустя час после начала сеанса, вспотевший и злой, он объявил, что картины не будет. Кто-то попросил его пустить картину хотя бы наоборот — интересно, как будут звучать песни, как люди будут говорить шиворот-навыворот. Вася иногда такие вещи делал, но на этот раз наотрез отказался и стал укладывать аппаратуру.

Механика обозвали сапожником, сказали, что он срывает культурный досуг бойцов, но и на

это Вася [illegible] ата и мол- [illegible]

[illegible] решили [illegible] и ба[illegible] ». Гавон [illegible] было [illegible] каком-то [illegible] по[illegible] ту «Ф[illegible] заканчивается так: «А вы на земле п[illegible] живете, как черти слепые живут: ни сказок про вас не расскажут, ни песен про вас не споют!» Да, да, Степанов так и сказал: «Как черти слепые». Кто-то засмеялся, но большинство зрителей обиделось, и здесь произошло то, о чем я веду разгово[illegible]

Надо вам сказать, был у нас в пулеметном [illegible]воде подносчик патронов Мартын Лейзер. Говорят, работал он раньше грузчиком то [illegible] Николаеве, то ли в Одессе — не знаю. И отличался он странным характером — писал стихи. Сами понимаете, какие стихи на фронте, особенно в бою. Так нет. В траншее прижмется где-нибудь к стен[illegible] [illegible]ны разрываются, пули свистят, а он достанет листок бумаги, карандаш и строчит что-то.

— Ты что? — спросят у него.

— [illegible] в голову пришла. В таком шуме [illegible] и забыть. Вот я и записываю. На всякий случай.

Говорил Мартын басом, был он громоздкий, здоровенный, и, когда [illegible] землянку, сразу становилось тесно. В шутку ему [illegible]товали перейти в артиллерию — пропадает, мол, талант. При таком росте и с [illegible]кой силой только пушки

возить. Но Лейзер добродушно отшучивался, писал стихи и носил патроны. Как он — толстый и, казалось, неповоротливый — ухитрялся пробираться на поле боя в траншеи и таскать коробки с патронами, мы себе не представляли. Но не было такого случая, чтобы у пулеметчиков нехватало патронов. Часто Лейзер захватывал патроны и для соседних отделений.

Была у Мартына Лейзера еще одна особенность. Он умел замечательно, артистически рассказывать. Говорили даже, что он одно время собирался выступать на эстраде.

Да, так вот. Кончил Степанов декламировать «Фею», а Мартын поднялся с пола (скамеек у нас в блиндаже не было), встал на колено и кричит Степ[illegible]

— Ты брось ругаться! Какое ты имеешь право слепыми чертями нас обзывать. Может быть, про нас уже сейчас песни поют. Эка невидаль, из-за бабы жизни решился. Хотите, я вам расскажу. Вот это история!

В блиндаже зашумели, зашикали. Мартын [illegible] смутился:

— Так ведь в стихах сказано. Понимаешь — в стихах. Не я же это говорю.

— Ну, не всякий, значит, стих читать надо. Так вот слушайте мое собственное сочинение.

Мартын скинул шинель. Остался в одном [illegible] почти касался потолочного наката из толстых вековых сосен. В блиндаже наступила тишина. Лейзер начал так:

— Если бы я был пророком, если бы я был

апостолом [redacted] будьте уверены — [redacted] ствовало. Народы [redacted] бы не Христу, н[redacted] буддам, а Гришке Егорову. Да, да, не улыбайтесь! Егорову, Григорию Панфиловичу — пулеметчику из шестой роты, той, что дралась под Хотиненом, с правого [redacted]

Говорят, Христа [redacted] руки и прибили гвоздями к кресту. В такой, я бы сказал, неудобной позе он беседовал с разбойниками, агитировал их за райскую жизнь. Ха! Смешно!

Гришка Егоров был приг[redacted] Он никого не агитировал. [redacted] душу, в веру и в бога. Скрипел зубами и строчил, да как строчил! Вот был парень!

Финны пошли на нас в контратаку. Лежит он за пулеметом и говорит:

„Драться будем до последнего... до последнего финна, конечн[redacted]

Тут ему из автом[redacted] Побледнел, сжал зубы:

Ничего, ребята. Только мне теперь от пулемета рук нельзя отрывать. Отпущу руки — конец, не сжать потом рукоятки. Вы мне помогайте теперь[redacted]

Мы пулемет перез[redacted]ряжаем, а он сидит. Бьет — ну артист! А [redacted] бегут, и все в лощину, все в лощину скрываются. Бить их там несподручно. Низко возьмешь прицел — пули в снег зарываются, повыше возьмешь — на той стороне овражка ложатся. Опять нехорошо.

«Эх, — говорит Егоров, — поставить бы пулемет повыше, дали бы мы им жизни![redacted]

А тут один боец и предлагает:

[illegible]нови мне на спину. Выдержу.

Сделали из человека лафет. Поставили пу[illegible]мет, и финны теперь перед нами, как на ладошке. но стреляют, проклятые. Пули жужжат. [illegible]

[illegible]и. Егоров [illegible]

Отбили контратаку, опустили пулемет на землю. Григорий Панфилович [illegible].

«[illegible] ребята, пальцы не слушают-[illegible]

[illegible] Степанов, гово-[illegible] сделал бы из Гри[illegible] песни будут петь!

В блиндаже поднялся шум. У входа [illegible]:

— А кто спину подставил?

— Ну, об этом история умалчивает. Я вам не про спину, а про Гришку Егорова рассказывал.

[illegible] Лейзер поднял с полу шинель, и [illegible]мное, почти коричне-[illegible].

[illegible]

[illegible] ночи бой затих, а с рассветом [illegible] силой. Где-то далеко бухали тяжелые орудия, трещал пулемет, по лесу гулко разносились отрывистые, винтовочные выстрелы. [illegible]

[illegible] каждому шороху. [illegible] появиться отовсюду.

Кругом стояли высокие, заснеж[illegible]тые ели. Появился про[illegible] неба. Скоро бойцы вышли на [illegible] через лощину тянулось болото. Чуть дальше — [illegible] мелкий ельник. Все тихо.

Увязая в снегу, бойцы пошли вдоль опушки. Вдруг из ельника по ту сторону лощины застрочил пулемет.

— Ложись! — крикнул Странников, но было уже поздно: Волжанов упал.

Странников осторожно подполз к т[illegible] По снегу расплывалось багровое пятно. Вокруг злым роем жужжали пули. Странников вынес товарища из-под пулеметного огня, положил на землю.

Волжанов был ранен в ногу. Ходить он не мог, а кругом были враги.

«Что делать? — подумал Странников. — Бросать товарища нельзя, а итти — как итти по [illegible] местам с раненым на руках. К тому же, где на[illegible] ушли далеко».

Странников перевязал раненого.

— Ну, друг, как-нибудь побредем, — сказал он и, взвалив беспомощного товарища на плечи, пошел в глубину леса, тяжело ступая по рыхлому снегу.

Время от времени Странников останавливал-

ся, опускал раненого на снег, переводил дух и снова шел. Кругом попрежнему было тихо. Только далеко-далеко раздавались отрывистые выстоель[illegible]

[illegible] ным зимним днем, стало темнеть, а утомленный, [illegible] промокший боец все нес товарища — [illegible] наткнуться на свои части.

[illegible] опустил раненого на землю. Волжанов слабым голосом произн[illegible]

— Ты, Николай [illegible] то пропадем оба.

Николай ничего не ответил. Он молча поднял раненого и снова пошел вперед.

Да и что он мог сказать? Что это его долг? Зачем? Ясно и так.

...Это было да[illegible] он тогда и не думал еще, что станет председателем колхоза. Шли на собрание семь ком[illegible]ев. Шли речкой в соседнее [illegible], а по дороге встретили женщину. Сидела она на берегу, растирала ушибленную ногу. Сначала прошли мимо. Потом кто-то сказал:

— Ребята, а может, она не дойдет сама?

Вернулись все, кроме одного. Был у них счетовод в колхозе Ленька Гривин. Он сказал только:

— Некогда, на собрание опоздаем, — и ушел.

На собрание, конечно, опоздали, но женщину отвели в боль[illegible]. Доклад делал тогда лейтенант, пограничник, приехавший в отпуск, а после доклада говорили об опоздавших. Начали было спорить, но слово взял лейтенант.

[illegible]

скивать своих.

[illegible]

[illegible]

— [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Девушка [illegible] танкистом [illegible], верила в науку, а [illegible]фессор, доктор и она [illegible] жизнь одного только [illegible].

[illegible] дежурство и сейчас [illegible] за ранеными. Кло[illegible] сил бороться [illegible]ну, бросала себе в [illegible] растирала лоб, щеки и [illegible].

Если бы полгода, даже три месяца тому [illegible]шливой, [illegible] [illegible]шать [illegible] километровые марши, долгие недели спать по три-четыре часа в сутки, есть из солдатского котелка, Зина весело расхохоталась бы и ответила:

— [illegible]

[illegible] девушка, так же, как [illegible]болева, Обнорская, [illegible]ило войны, пере[illegible] лишения, привыкла [illegible] суровую походную [illegible]у, ночью или днем можно было видеть девушек-комсомолок, шагающих по заснеженным лесным дорогам вместе с передовыми частями. Сразу же, как приходили в сел[illegible] уцелевшие избы [illegible] раненых. Так и вчера, только вошли [illegible] — замерзшие, устав[illegible]ные — без отдыха принялись за ра[illegible].

[illegible] первых привезли раненого тан[illegible]. [illegible] его товарищ на танке. Машина

была огромная, [illegible]

[illegible]

И [illegible] кто и ничто не может его спа[illegible] [illegible] доктор, словно про себя, сказал:

— Здесь мы, кажется, бессильны [illegible]будь сделать...

Вот тогда беззвучно заплакала девушка.

[illegible] спать, и она присела в у[illegible] [illegible]лась от близкого взрыва. О[illegible] «Обстрел» — пронеслось в [illegible] Раз[illegible] Посыпались куски штукатурки. С улицы доносились крики, стоны. Побежала туда. Впотьмах наткнулась на санитаров. Они несли на руках человека.

— Кто здесь?

— Я. Нилова.

— Ранили доктора, помогите.

Без света, наощупь сделала перевязку врачу Романовскому. Принесли новых раненых. Стонала Гончарова — ее подруга. Нашла морфий, сделала укол. А обстрел все продолжал[illegible]. Больше часа бил вражеский бронепоезд, бил по госпиталю. С рассветом обстрел прекра[illegible]ился, но нервное напряжение было так велико, что девушка, валившаяся с ног от усталости, все же не могла заснуть.

На третью ночь танкисту стало совсем плохо. Он перенес [illegible] две операции — из груди вынули девять осколков. Открылось кровотече-

[illegible]

Эти [illegible]

Перед [illegible]

И [illegible] Красный [illegible]

[illegible] станции [illegible]

[illegible]

[illegible] Шура [illegible] и [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] лет. В [illegible]

— Прекратите [illegible], — [illegible] голос [illegible].

[illegible]

— [illegible]!

[illegible]

[illegible] руки.

— [illegible]

[illegible]

[illegible]

Нилова подошла к раненому. Ее руки были абсолютно чистые, стерильные, как принято говорить в медицине.

ЛЮДИ С РУЖЬЯМИ

— [illegible] ты вчера наделал, скажи? Кто тебя просил соваться с такой работой? Не знаешь — спроси. А то — копченой. Ну купил бы чайной, например, или сосисок. [illegible] подороже — тамбовской! Вот она, тамбовская, и выходит боком. Срам один. Эх, ты! Много купил?

— Полкило.

— [illegible]

Григорий смущенно сгребал ногой снег. Произошла действительно неувязка. Стыдно только признаться. Думал [illegible] а вышло не то. И все это Тихонов [illegible]л. Купи да купи. Комсорг еще!..

Его собеседник, Сергей Листвин, явно рас[illegible] мывая, как выйти из запутанного положения.

— Что теперь будем делать? — уже более

миролюбиво спросил он Григория. Вытащил из [redacted] щепотку махоры, осторожно высыпал на [redacted] скрутил цыгарку, послюнявил е[redacted]

— [redacted]чки есть? Закуривай.

Григорий достал коробок. Прикурили.

— Да-а-а... Здесь надо подумать... А знаешь что, — прерывая самого себя, заговорил Сергей, — [redacted] и пойдем. [redacted] Пошли!

[redacted]ыло добрых полтора километра. Чтобы сократить путь, пошли не дорогой, а лесом. Узенькой тропкой вышли к полотну железной дороги, миновали разрушенную, сгоревшую ста[redacted]

Около фургона толпились бойцы. Григорий и [redacted]ли булок, колбасы, прихватили конфет и тем же путем возвратились к ветхому домику, выделявшемуся среди пепелища на краю [redacted].

[redacted]ой двери была прикреплена бума[redacted]ка с надписью.

«Здесь проживает финская гражданка Ройва [redacted]койнен. Просьба не беспокоить»[redacted]

Комсомольцы очистили веником вал[redacted]кашлялись, поправили меховые шапки и несколько робко вошли в сени. Осторожно постучали в обитую рогожей дверь. Никто не ответил. Постучали еще. [redacted]ерью послышались шаркающие неторопливые шаги. Дверь распахнулась, и на пороге появилась старая женщина. Она что-то говорила по-фински, улыбалась, жестами приглашала бойцов войти в дом.

Ребята переступили порог.

— Здравствуйте, бабушка! Мы опять к вам.

— [illegible]![1]

[illegible]

[illegible] Мар-фе — [illegible]

[illegible]

— [illegible], — [illegible] Ха! Ха!

[illegible]

— [illegible]![2]

[illegible]

— [illegible]

[illegible]

Дом [illegible]

[1] [illegible]

[2] [illegible]

[illegible]

— [illegible], — [illegible] Сергей [illegible].

В [illegible].

— А [illegible].

В [illegible] Сергей [illegible].

— [illegible] Влад [illegible] — [illegible]?

— А [illegible]?

— Мы [illegible].

— Ну, а мы [illegible]! — [illegible] Андрей [illegible]!

В [illegible].

— [illegible]?

Анатолий [illegible].

— Мы [illegible]!

[illegible].

[illegible]

— [illegible] — [illegible]пенте да пошли. Старухе [illegible]

Григорий почувствовал [illegible] ревнивые нотки. Он и [illegible] ходом Кряжова.

Бойцы напили[illegible] зяйкой и, забрав винт[illegible]

— Забор починить на[illegible] — [illegible]рушенную изгородь, сказал Кряжов.

Познакомились комсомольцы с Ройвой Люкойнен, когда заняли село. Она стояла у порога и глядела на прохо[illegible]сти. Два дня старая, одинокая [illegible] пряталась в подвале. Несколько раз [illegible]ы приходили в ее [illegible]ом, з[illegible] — Ройва не откликалась. Облили [illegible]ны кероси[illegible]м, но поджечь не успели. Когда затихла стрельба, старушка вышла на улицу. Она была единственной жительницей опустошенного, разрушенного села. Об этом через переводчика рассказала Ройва Люкойнен в первый день прихода советских войс[illegible].

На следующее утро Григорий пришел к старушке с книгой в сером коленкоровом переплете. Он был сильно взволнован. Григорий запоздал. Во [illegible] Ройвы уже работали комсо[illegible]ные поленницы мелко наколотых дров, двор [illegible]ее Анатолий Кряжов где-то в лесу и привел в подарок старушке.

— Все равно пропадет, а бабушке молоко будет, — говорил он товарищ[illegible]

— Ребята, — срывающимся голосом крик-

[illegible]

ную страницу и, запинаясь, прочитал:

— «Я позволю себе рассказать один происшедший со мной случай. Дело было в вагоне Финляндской железной дороги, где мне пришлось слышать разговор между несколькими финнами и одной старушкой. Я не мог принимать участия в разговоре, так как не знал финского языка, но ко мне обратился один [illegible] и сказал: «Знаете, какую оригинальную вещь сказала эта старуха? Она сказала: «теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне».

— Видите?! Это мне начальник клуба показал.

— Пойдемте спросим.

[illegible] коинен.

— Бабушка, ты Ленина видела? Ленина, в вагоне... Ты, ты, видела?.. Вот гляди!..

Григорий указывал пальцем в книгу.

Старушка смотрела на книгу, переводила глаза на бойцов. Она понимала только одно слово — [illegible]

[illegible]

5

1 р. 70 к.